

DOI: 10.15643/libartrus-2021.2.1

К юбилею писателя: философские уроки Леонида Андреева

© В. В. Ильин

*Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт»
Россия, 132182 г. Москва, площадь Академика Курчатова, 1.*

Email: vvilin@yandex.ru

Многогранное творчество маститого русского писателя оценивается под углом зрения философских прорывов, связанных с духовным освоением безвременья рубежа XIX–XX вв. Занятый выявлением универсальной природы человека, Андреев озабочивается извечной антропологической темой: в чем «искусство жить»? И всеми своими художественными исканиями дает выстраданный ответ: искусство жить – в сохранении верности себе, собственному экзистенциальному призванию. Безупречная философско-антропологическая платформа версификации человечности получает полномасштабную детализацию в терминах моментализма, сосредотачивающегося на точке единообразного увекоченения конечным бесконечного.

Ключевые слова: *маленький человек, моментализм, гуманизм.*

Simile simili gaudet. Философская значимость творческих уроков Андреева – в непреходящих способах духовного освоения безвременья начала XX в., по своей определенности напоминающего ныне переживаемое безвременье, взыскующее собственных методов проникновения в аутентичную суть, но опирающихся на ранее отработанные эффективные приемы действия в аналогичных случаях.

Безвременье... Период гражданского, экзистенциального межсезонья, идейной, мыслительной хляби, отсутствия твердых поведенческих опор, охлаждения желаний, раздосадывающего безверия. В такие тяжкие промежутки существования душа слабеет, наполняется опустошающим «мы не столь мерзки, сколь ничтожны» (Монтень), которое, укрепляя восторг «беспредельной униженности» (Андреев), не может быть жизнеподдерживающим кредо. Это потому, что, как назидает Гегель, считать последним словом мудрости сознание ничтожности есть не глубина жизни, но глубина пустоты [6, с. 48].

Пустота не терпима; с ней борются. Становясь у границы неверия, противопоставляют ей правдоискательство, напряжение мысли, которая в своих стараниях спасает человека, является истинным героем его жизни [3, с. 308].

Напряжение мысли, мужественное, обоюдоострое, нелицеприятное правдоискательство – архимедов рычаг самопознания, развеивающего густеющий мрак, позволяющего разобрататься, в силу чего с какой-то периодичностью происходит сущностное обнищание человека, он забывает то, что знал, перестает любить то, что любил ранее.

Воспроизводимые во времени пассивно-безнадежные, буквально декадентские фазы-состояния бытия человеческого – явления объективной реальности – востребуют от превозмогающего их самопознания особого обостренно чувствующего инструментария оценки обстоятельств, исходя «только из сердца» (Толстой) в достижении полного самоотчета перед душой и совестью.

В ситуации крайнего дефицита духовной (изыщная словесность) и практически-духовной (метафизика) проработки существа безвременья наших дней релевантно осмысление и

переосмысление содержания бесценного опыта вековой давности, актуализация коего, смеем надеяться, придаст силы, заразит терпимостью, гуманизмом, сделает мудрее.

Эстеziология духа

В попытке характеризовать сделанное Андреевым односложно, позволительно прибегнуть к обобщающе емкому: он бросил семена подвига. Подвига борьбы за едва приметного, невыразительного, неброского человека.

Линия: маленький человек, мелкий люд, замордованный пигмей, заштатный «бедовик» – задавленный беспросветным самотеком рутинного житья-бытья тривиальный неудачник, представитель низкого сословия, простонародья, трущобной бедноты – отнюдь не новая фабула отечественной (крупно- и малоформатной) эпической прозы. Начиная с «Повестей Белкина», «Бедных людей» и кончая многочисленными чеховскими повествованиями пытливая забота участливого писательства сосредоточивалась на теме: неотмеченная бременем счастья судьба обездоленных.

Сугубо новое, чем обогатил Андреев звучание данной сквозной темы, – исключительная доброжелательность к подножию мира сего в инспирирующей редакции: не желание блага себе подобному, но желание, дабы себе подобный сделался достойным блага.

Перед нами – определенно не заявленный ранее тонкий тип борьбы с раболепным конформизмом через отстаивание достоуважаемости человечности как вселенского качества, прорабатываемого ресурсами некоего гуманитарного космизма.

Традиционный философский космизм намечал утопическую эпопею телесного воскрешения человека; выходящий из-под пера Андреева нетрадиционный литературный гуманитарный космизм намечает неутопическую эпопею духовного человеческого воскрешения – эпопею, искрящуюся отсветом не мнимой условности (ввиду технологической неосуществимости) отрешенной идеи, но обнадеживающей безусловности достоверного факта.

Не примыкая к патетическому «человек – звучит гордо!» на скрижалях человековедения он высекает реалистическое «будь человеком!» Поступая так, – в философском представлении – Андреев развертывает подобие эстеziологии (от «эстезис») духа – литературно адаптированную доктрину чувственных модальностей, тематизирующую человечность в залоге «гуманистическая сосредоточенность», в образах трогательной чистоты надежд, стремлений предающую забвению гибель прекрасного в пошлости дней текущих («Цветок под ногой») и через бунт против давящего неустроя обыденности позволяющую открывать в ближнем касательство высоким жизненным правдам («Тьма»; ср.: купринская «Яма»), причастие святости.

За сдушенным тысячеголовым криком «стыдно быть хорошим» в итоге различаются не столь резкие, но твердые звуки спасения: длинна, темна ночь, но и она уступает пред силой всепобеждающего света, – главное – держаться огромно радостного всенаполняющего чувства: «как это странно и красиво: человек» («Из рассказа, который никогда не будет окончен»). Андреев осуществляет

Открытие человека

«Всякий писатель мыслит, следственно... даже без собственного сознания, философ. Пусть же в его творениях отразится... его философия, а не чужая», – в письме 1831 г. И. Киреевскому призывал Баратынский. Мыслящий писатель Андреев являлся философом; в своих многогранных творениях воплощал собственную философию, которая с профессиональной точки зрения квалифицируется как симбиоз разработок философии жизни, экзистенциализма,

персонализма, философской антропологии, пронизанных гуманизмом. Гуманизмом, в согласии с принципами гуманитарного космизма поднимающим на щит особый тип сапиента: *cujusvis temporis homo*.

Доктринальное ядро андреевской философии – человек в разных модусах самореализации, однако захваченный унитарным стремлением открыть некую последнюю, подчас ужасную правду жизни – «свою правду», которую нередко не способны понять другие, но которая венчает четвероякое разрешение «Я-Мы», взаимодействия.

Первое: Я есмь, но помимо меня есть люди – мне подобные существа, имеющие автономную жизнь, своеобычное горе, особую судьбу («Бездна», «Жизнь Василия Фивейского», «Большой шлем» и др.)

Второе: во всех жизненных передрягах надлежит сохранять наиглавнейшее – «единственно ценное: душу» [5, с. 183].

Третье: мимо меня идут люди; я иду мимо них; в суматохе непреднамеренного хождения важно – не пройти мимо себя, не растерять самость [1, с. 115].

Четвертое: нельзя мыслить «тяжелым сном серой жизни», когда-то, как-то, в связи с чем-то требуется пробуждаться.

Как всякий литератор, живущий тревогой людей, Андреев выясняет, «что есть горького и несправедливого на свете» [3, с. 107], но не в социально-классовом смысле, а в смысле экзистенциально-антропологическом. Преимущественно комбинируя выработанным им аутентичным типажом «человек, по жизни бредущий» («Смех», «В поезде», «Молчание» и др.). Не скитающийся, не слоняющийся, не странствующий, не блуждающий, но именно бредущий, – не лишенный уверенности: будет дорога, если сам на себе не поставишь крест («В темную даль», «Иностранец», «Набат», «Стена» и др.).

Искомую самоценность человеку сообщает, используя философский сленг, хабикулярность – имманентное представление фундаментальной подотчетности лица не обстоятельствам, не хозяевам, не сильным мира сего, но своему призванию.

Тургенев озабочивался проблемой неоригинальности человека. Андреев озабочивается проблемой ординарности человека. Человека – выкарабкивающегося из состояния «несказанной тоски и муки» («Баргамот и Гараська», «Из жизни штабс-капитана Каблукова», «Ангелочек», «Петька на даче», «Алеша-дурачок», «В Сабурове», «У окна» и др.), когда каждая неприятная деталь о-бывания молит обретения полноценной достойной жизни.

Сюжетика Андреева – извечная экзистенциальная сюжетика «ничтожность будничности – ее превозможение». Превозможение в самостроении, – готовности совершенствоваться, свершать поступки («Иван Иванович», «К звездам»).

Антропологический поворот к «разрешающемуся» человеку подкрепляется оригинальным восприятием «бледной» копии как равномошной своему создателю в части миротворчества.

Новалис высказал идею предсуществования художника, посвященного в тайны творения ближайшего мира. Андреев отстаивает более осмотрительный, осторожный взгляд: художник – не вездесущ; гений – не энтузиаст, он – постигатель того, как производится

Сотворение мира

Человечество стоит «на пороге огромного преобразования» [20, с. 199], – в 1905 г. констатировал Толстой. Какого именно? Сообразно отечественной интеллигентской основе, – преобразования духовного. Андреев разделял господствовавшее в просвещенных кругах (толстовцы, символисты, веховцы) представление: вначале духовный, затем гражданский переворот.

Изменение форм социальной жизни фундируется обновлением умонастроения, – такова платформа всех гуманитарно (нереволуционно-демократически) ориентированных жизнеискателей начала прошлого века.

Отсюда – специфические духовные экзерциции по выявлению универсальной (антропологически всеобщей) природы человека; отсюда – трактовка модернизации (реформации) под углом зрения уяснения «искусства жить» как бы изнутри – реконструкцией «человеческого в человеке».

Обостряя вопрос пропасти «между теми, у кого есть все, и теми, у кого нет ничего» [2, с. 314], в духе «романтического реализма» [15, с. 424], как подобает абстрактным искателям идеалов, Андреев принимает стратегию обличения царящей в мире несправедливости. Без, так сказать, практически обязывающих деятельностных импликаций; – с доброй, мягкой улыбкой, разбираясь в причинах личностного отчуждения, отпадения персональной части от социального целого, всегда – везде становится на сторону человеческого достоинства; увлекаясь «дальше цели» (Толстой), отстаивает заповедное: «ближний – брат твой».

Обращение к архетипическому «Все мы вышли из „Шинели“ Гоголя», обязывает встраиваться в дело обиженного просточеловека. «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» – бросает обществу отчаявшееся лицо, за словами которого пробиваются другие слова: «Я брат твой». Слова гоголевского героя повторяются андреевскими героями, просвещенной публикой слышатся, воспринимаются. И только.

Абстрактно гуманистическая платформа версификации человечности, конечно, стимулирует художественное освоение глубоко философских контрверз «быт – бытие», «существование – сущность», «зависимость – свобода» и т.п., но одновременно и торпедирует его: самозамкнутые статичные фигуры обреченно «нищих духом» в качестве героев *per se* препятствуют прослеживанию антропной динамики, экзистенциального роста (эпопеи о. Игнатия, о. Василия Фивейского), разрешению (вследствие измельчения фабулы) судьбических коллизий действующих ищущих лиц. Обрекают на безысходность (в т.ч. по причине равнодушия к социальным заботам).

Действительно. Если на земле и на небе – ад, тогда – где рай, бог? Как добираться (в бредении) не то, что до святого, – прочного?

Вовлеченный в заштатную и безнадежную драму русской интеллигенции – париться венником «вечного и дикого покаяния» [2, с. 17] – Андреев находит собственное, но, прямо скажем, не завораживающее решение: активизирует роль мечты – обольщающего упования на то

Чего не бывает

Андреев не питается «идеей отрицания» (Белинский); он берет и показывает человека в условиях внутренней разорванности, используя гегелевскую фигуру «надлома души». «Шаги его неровные» (Горький), но бесконечно ценные характеризуются стремлением (реплика в сторону Бодлера) толковать реальность одновременно в двух модусах; ужас жизни – восторг жизни.

По части первого – реалистическая палитра «несказанной тоски и муки», «криков тишины», задаваемая сочетанием протяжных стонов «больных, голодных... обиженных». По части второго – модернистские способы обрисовки людей в поисках лучшей доли.

Беспощадная, ужасная явь разубеждающей ночи рассеивается. Не в борьбе. В мечте. Расширении поля приложения внутренней экзистенциальной свободы. Андреев не знает, как

творить жизнь (кто же знает? – осиянные знанием устройства жизни, в числе коих Ленин, Каменев, Дзержинский, Андропов, Горбачев, по прошествии лет признавались в своем заблуждении), добиваться потребного, по этой причине опробует возможности, прибегает к мысленному экспериментированию, модельному выражению реалий.

Классический образец перевода рассматриваний в особый логический модус *als ob* – «Ангелочек». Бесконечно униженный, оскорбленный обездоленностью, изобразительно едва намеченный бедолага – герой Сашка имеет прочное понятие о человеческом счастье: оно – соприкосновение с чаемым.

Нежданно-негаданно мальчик испытывает касательство состоянию полного, высшего удовлетворения – получает в подарок заветную елочную игрушку – воплощение тоскующей о высоком души – ангелочка. Как всякая нефигуральная (несимволическая) материализация идеального – плотская имплементация мечты – тает. Однако же призрачная иллюзия не утрачивается. Остается впечатление «приобщения», продолжает жить надежда. Чудное мгновение состоялось. Оно питает жизнь.

Модельные опыты Андреева впрямую (композиционно, фабульно) коннотируют аналогичным опытам Достоевского (на что после Блока указывают многочисленные литературоведы), реализованным в рассказах «Мальчик у Христа на елке», «Елка и свадьба». С некоторыми примечательными различиями.

Достоевский захвачен коллизией: невоплощенная надежда; Андреев – коллизией: воплощенная, но несбывшаяся надежда. Достоевский движется в теме: от блаженства к претерпеванию; Андреев – в теме: от претерпевания к претерпеванию.

Анализ потрясений человечности на разных экзистенциальных подмостках, в разных диапазонах измерения оттеняет характерный прием литературного изучения субъективности, известный гносеологии как переход из реалиса в кондициалис, из фактива – в контрфактив, из актуатива в

Посессив

С теоретико-познавательной точки зрения, литературный опыт как остов человеческого – до мозга костей символического – опыта [9] проходит по разряду «fiction» – умственного изобретательства, воображительств, сочинительства, – позволяющего расширять пространство действительного оценкой возможного. На необозримом фарватере от вероятного до маловероятного и невероятного, от похожего на правду – правдоподобного до на правду не похожего – неправдоподобного.

Человек – животное, «создающее жизненно полезные фикции» (Файхингер). Истолкованный не как мироубеждение (фикционализм) тезис несет идею модельного опробования реалий в сослагании с позиций допущения продуктивных возможностей.

Так поступает ученый, за счет модельных дополнений расширяющий сектор обзора. Скажем: в проективной геометрии вследствие дополнения евклидовой плоскости несобственными элементами – любые (в т.ч. параллельные) прямые пересекаются. В самом деле. По обуславливанию, параллельные прямые пересекаются в бесконечно удаленной (несобственной) точке. Ассоциирование бесконечно удаленных точек раздвигает горизонт умственного комбинирования полезным концептом бесконечно удаленной (несобственной) прямой. Сращение бесконечно удаленных точек с бесконечно удаленной прямой подводит к не менее полезному концепту проективной плоскости, где в отличие от евклидовой плоскости любые две прямые пересекаются.

Проективная геометрия, как теория функций комплексного переменного, – гигантский итог обусловливания – посессивного угла зрения. Таковы же недезарговы геометрии; предложенная Вейерштрассом функция, не имеющая производной ни в одной своей точке, – «безобразная» кривая:

$$W(x) = \sum_{n=1}^{\infty} a^n \cos(b^n \pi x); \quad a < 1; \quad b > 1; \quad ab > 1.$$

Подобно ученому поступает литератор, обращаясь к мысленному экспериментированию, обследованию посессива. Возьмем два рельефных признания из «Мальчика у Христа на елке». Достоевский откровенничает:

(1) «...я романист, и, кажется, одну «историю» сам сочинил (! – **В. И.**). Почему я пишу: «кажется», ведь я сам знаю наверно, что сочинил, но мне все мерещится, что это где-то и когда-то случилось, именно это случилось...» [7, с. 1362].

Показательно: «мерещится» синонимично «случилось».

(2) «...зачем же я сочинил (! – **В. И.**) такую историю, так не идущую в обыкновенный разумный дневник, да еще писателя? А еще обещал рассказы преимущественно о событиях действительных! Но вот в том-то и дело, мне все кажется (! – **В. И.**) и мерещится (! – **В. И.**), что все это могло случиться (! – **В. И.**) действительно... уж и не знаю, как вам сказать, могло ли оно случиться или нет? На то я романист, чтоб выдумывать (! – **В. И.**)» [7, с. 1365].

Выдумка романиста – наиреальнейшее сущее – *ens realissimum*.

Не изменяет правилу Андреев, под личиной *als ob* выясняя, к примеру, какой любовью любит Христа Иуда Искариот, предавший Всевышнего во имя испытания на крепость веры в него апостолов, народа.

Философское значение мыслительного движения в посессиве – расширение степени интеллектуальной свободы, позволяющее генерировать основоположное предпонятие, какой может быть жизнь в маловероятных или даже невероятных кондициях, и тем самым исполнять великое дело литературы, – провидя определенность возможного, культивировать «будущего человека» [17, с. 455].

С чисто технической точки зрения, конструирование гибридного вероятно-невероятного типа экзистенциального космоса диверсифицирует богатство творческих форм, предобуславливает инкорпорацию в реалистический метод экспрессионистских (сердечная полнота), символистских (невыразимость тайн человеческого), неореалистских (непосредственность эмоциональных порывов) приемов исполнения художественного служения.

Помещение героя в разукрупненно аллегорический, граничащий с крайним напряжением внутренних сил контекст самореализации сподвигает на образное овладение статусом жизненного мгновения, что в философской генерализованной редакции маркируется –

Моментализм

«Между конечным и бесконечным нет никакой соразмерности» [18, с. 577], – вслед за Николаем Кузанским полагал Спиноза. В антропологическом опыте такая соразмерность есть и это – глубина, острота, открытость переживаемого экзистенциально значимого момента, вбирающего полноту существования, в прикосании которому конечное единообразно увековечивает бесконечное.

Указанный специфический духовно-душевный локус самозаявления человечности в особых бытийных точках – пограничных ситуациях, – где в срочном пробиваются черты бессрочного,

эксилицируется в языке особой топологии, логики, правил удостоверения, разлучающих с обработанными в языке тематизации неодоухотворенного безлично-безразличного мира – «объективации» (Бердяев), «*map*» (Хайдеггер) – стандартными фигурами воспроизведения стратегий действия.

Проведем краткие уточнения.

Говоря суммарно и по существу, концептуальная сверхзадача философской fiction – вписать мгновение в вечность. Аналогичную сверхзадачу в своей сетке координат решает fiction литературы (художественности). Однако гносеологически в объективации собственных творческих целей обе они прибегают к использованию типологичного органа. Здесь

а) подрыв (нарушение) отношения тождества (идентичность, эквивалентность, инвариантность) с прямым применением в качестве базисной схемы модифицирующей онтологии. Последняя наиболее приспособлена к изображению переменчивой человеческой стати в ситуационном ракурсе, где качественная определенность носителя свойств трансформируется от отпавного до противоположного. Как подчеркивает Толстой, человек – полифундаментален, вариабелен: «то злодей, то ангел, то мудрец, то идиот, то силач, то бессильнейшее существо» [21, с. 187].

По правилу (известному древнеиндийским логикам) $a \neq a$, предметы наделяются тем, чем они не являются и являться не могут. Отмеченное рушит плотину дискурсивной однозначности, точности, строгости; предрасполагает к применению тропного слога, условности, выходу в посессив, кондициалис, контрфактив, ирреалис и т.п.;

б) гиперболизация значения актуального посредством релятивизации значения потенциального. Апеллируем к Державину:

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Через звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.

Преходящность, временность сугубо означает ценность неэфмерно длящегося мгновения, в котором мы выходим за пределы пространства-времени в беспредельно-вневременное. Пространственно-временной антропологически заданный хронотоп – параметр не субстанционального, но экзистенциального фазового многообразия, оттеняет самопрозрение в самовстраивании в любой обнажающий сердце жизненный казус, имплицитующий приобщение к бесконечности в полноте переживания мига.

Таковы монологическое: «Несколько дольше могли бы помнить они, несколько дольше»; диалогическое: он – «Все приходит слишком поздно»; она – «Я не хочу, чтобы слишком поздно» («Два письма»);

с) гипертрофия безвозвратно утрачиваемого, невозполнимо-невозстановимого. Что грезится обреченному? Произвольно выхватываемое из памяти сохраняющее теплоту «моего» самое неказистое, заурядное событие. В «Жили-были» – поток горячего света, вливавшегося в окно и золотившего пол; лучи солнца в далекой Саратовской губернии, падавшие на Волгу,

лес, пыльную тропинку в поле... Ничем не примечательные явления, в технике blow up, однако, обретающие кардинальный смысл пред фатальным провалом в ничто;

d) чувственная материализация (недискурсивных) видов понимания. Кладезь нужных нам идей – наследие старшего современника Андреева – Апухтина. С великим сожалением ограничиваемся сжатой подборкой шедевров.

...слышу, как жизнь молодая
 Желания будит в крови,
 Как сердце дрожит, изнывая
 Тоской беспредметной любви...
 Опять эти звуки былого,
 И счастья ребяческий бред...
 И все, что понятно без слова (! – **В. И.**)
 И все, чему имени нет (! – **В. И.**) [4, с. 66].

Или:

О, вот они, минуты счастья,
 когда...
 Когда любви горячей слово
 Растет на сердце как напев,
 И с языка слететь готово,
 И замирает, не слетев... [4, с. 84]

Или:

...если бы любовь я высказал словами
 ...
 О, что? о, что тогда ответили б вы мне? [4, с. 228]

e) фрактальность репрезентации «части-целого»

- в соблюдении смыслового подобия (при сопряжении части-целого – вариация Жойала): «Мы знаем только одну черту будущей природы будущего существа, которое вряд ли будет и называться человеком... Эта черта предсказана и предугадана Христом, – великим и конечным идеалом развития всего человечества» [8, с. 172–173];
- в несоблюдении смыслового подобия (при несопряжении части-целого – вариация Мандельброта): упивание мигом,
 ...где сладки упованья
 и где действительность молчит [4, с. 229];

f) квалификация обстоятельств по «загадке» индукции. Миг соития с вечностью отменяет известные гносеологические рецепты маркировки достоверности в терминах теорий корреспонденции, когеренции, прагматизма, конвенционализма. Центрируется непосредственное осязательное (едва не «органолептическое») обнаружение истины через тончайший усмотрительный прием, – в исключении перебора вариантов, отказа от объединения результатов в каких-то однородных наблюдениях – выборочных случайных величин, – по уникалиям безошибочно вводятся универсалии. В статусе просветлений мысли о жизни;

g) экзистенциальная синергия, обеспечивающая прорыв к «подлинному», где человек, не пребывая «как все», есть стяжатель имманентной свободы самости, за которую расплачивается. Характер бытия «к свободе» и «в свободе» в тематизациях различается: Камю напирал на бунт против абсурдности существующего; Сартр – на борьбу с «дурной верой»; Марсель – на

диалогическое обогащение души в «Я-Ты» коммуникации, но неизменно модулирует мотив самоизбыточности человечности как организации, превосходящей себя и мир [22, с. 160] в явлении имперфектности.

Комбинация (a-g) – содержательный остов исключительной методологии, фундирующей справедливость «жить – значит, быть в мгновениях, отдаваться им» (Бальмонт), равнообразно инспирирующей проникновение в то, что «кровью былей начерталось» (Пастернак), – гуманитарно емкие

Экзистенциалы

Жизнезначимые самозаявления *das Selbst*, обеспечивающие полномасштабное

- само-, мирораскрытие *ex sese*;
- само-, мирооткрытие *ex improviso*.

Вопреки леви-строссковскому «мы делаем все возможное и невозможное, чтобы себя не понимать», – в минуты жизнеемкие – ответственные, решающие, роковые – мы достигаем состояния полной ясности относительно сути происходящего, когда «вся даль безбрежная светла» (Апухтин).

В подобных – пограничных – состояниях кристаллизуются экзистенциалы – носители правды вне стратовой, политической, гендерной определенности, встроенности в аксиологические рамки.

Пограничная ситуация практически не описывается рефлексивно выверенным языком; подходящий способ ее экспозиции – метод оксюморонов – нарочитых сочетаний семантически контрастных признаков, создающих многосмысленные когнитивные комбинации – единства.

К примеру, пограничная ситуация: «измена». Тематизируется ментальным оксюмороном «уникальное-универсальное». Измена одновременно партикулярна и генеральна. Изменяет – лицо и – все. Изменяет женщина (мужчина) и женщины (мужчины); холоп (господин) и холопы (господа); мысль (чувство) и мысли (чувства). Измена материализуется под фирмой прецедента и принципа; казуса и правила; однократной ошибки и расчетной позиции.

Возникает техническая задача проникнуть в «природу» измены. Снимается она обращением к «внутреннему человеку» (Руссо) – развертыванием – в философии – ноэмной антропологии [10, 11]; в литературе – эстетной эстеziологии в повествовательном жанре «житие» человека.

У признанного мастера выполнения «житий» («Дни нашей жизни», «Жили-были», «Жизнь Василия Фивейского», «Жизнь человека») Андреева герои прозревают в пограничных ситуациях, открывают эссенциалии существования (ср.: платоновская усия) в постижении «мудрости века сего» через логоны антропной реальности – экзистенциалы.

Краткие зарисовки – буквально истовые отчеты с пленэров – подчинены цели – продемонстрировать преобразование, внутреннюю перестройку душевного антуража актантов при вхождении в фазы с режимом обострения, качественные модификации в которых детерминируют экзистенциалы. Судьбические метаморфозы в часы испытаний обуславливают, казалось бы, мелкие частности, детали, однако в соответствии с моделью «малые причины – большие следствия» обеспечивающие проступание эссенциального в акцидентальном.

Экзистенциал «тоже душа живая» («Баргамот и Гараська») в бифуркации «по отчеству... как родился, никто по отчеству... не называл» сподвигает на воскресение, второе рождение посредством самоуважения.

Экзистенциал «веяние человеческого счастья» («Ангелочек»): ангелочек спускается с неба, где была его душа, вносит «луч света в сырую, пропитанную чадом комнату и в черную душу человека, у которого было отнято все: и любовь, и счастье, и жизнь».

Экзистенциал «безучастность, отрешенность, отъединенность» («Большой шлем») развенчивает нелепость жизни, подчиненной жизни карт, разоблачает неправомерность поведенческого функционализма.

Экзистенциал «безумие бойни» («Красный смех», «Царь-голод») порицает душегубство.

Экзистенциал «обреченность» («Жили-были») индуцирует обнажение сердца в одиночестве души пред бездной самораспада, неотвратимой утратой всего на пороге «никогда» – когда силой собственной тяжести произвольно текут слезы о всем ушедшем, увядшем – солнце, которого не увидеть, яблоне белый налив, плодов которой не испробовать, всепоглощающей тьме, которая впереди...

Экзистенциал «близость» («Книга») навеивает переоценку ценностей жизнеемкой диады «чувство – разум». Классическое державинское

Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю

под напором жизни отступает, дает простор разъедающему: ближнему – что важнее: живое сердце любящего или достающийся в наследство от него продукт его любимого дела?

Экзистенциал «отчаяние» («Великан») – на какие ухищрения ни идет человек в полной безысходности, как впадающая в глоссолалию мать, бессвязным бредом успокаивающая умирающего ребенка.

Экзистенциал «взаимность» («Рогоносцы») гротескно утрирует потерю супружеского тепла.

Экзистенциал «безверие» («Мысль») наводит на несостоятельность насильственной культивации «садов и рощ внутри нас» тлетворным, благонамеренно планируемым террором.

Экзистенциал «всечеловечность» («Рассказ о семи повешенных») укрепляет неприятие любого убийства, прежде всего мотивированного политически.

Экзистенциал «полнота, самоценность настоящего» («К звездам») отрезвляет вопрошанием: мечта о «великом завтра» заслоняет ли «неприятное сегодня»?

Экзистенциал «лишение» («Губернатор», «Так было») вскрывает оголенную суть перманентных обид (отчасти гасящих надежду) в ритме безотрадных буден: так было – так будет: тик-так – мы всеобщее-всеместно обижены: «еще не родившись, мы уже тысячекратно обижены, а когда мы вылезаем в жизнь, так сразу попадаем в какую-то нору и пьем обиду, и едим обиду, и одеваемся обидой».

Экзистенциал «совесть в людях разбудить» («Сашка Жегулев») – обличает увечья страстей человеческих.

Экзистенциал «любить ближнего» («Любовь к ближнему») – не расхожая истина, не краткая добродетель, но продукт совести, правды действительности по части убеждения: руки, протягиваемые Матери-Землею к Сыну своему, однажды прикоснутся друг к другу; тогда-то «наступит великое разрешение» etc.

Беллетристическая разработка экзистенциалов антропосферы представляет полезную интервенцию в катаклизмы души, – по загадке индукции в малом обнажает большое, в преходящем – непреходящее; в контрастном языке судьбической альтернативистики побуждает тематизацию вековечно головоломного: касательства субстанциально-абсолютного, – эйдетические

воплощения Любви, Веры, Достоинства, Близости, Доверия и т.д. акцидентально-относительному, – эстематические инкарнации человечности в ситуативном обмене деятельностью.

Указанная интервенция в бурлящий плавильный котел производства жизнезначимого сподвигает на некий итоговый проект решения основного экзистенциального вопроса: какое оно – вождеделенное

Счастье

Обетованное завершение устремлений трудов бранных. Дается ли оно в искании: счастье – потенциально; или в обретении: счастье – реально. Нагнетается дилемма; становление – ставшее, завязывающаяся на истолкование финализации: она суть – тенденция к апексу или апекс вне тенденции?

Смысловая проработка дилеммы дает сухие исходы

– счастье – процесс: антропологическая модель человека как переходно-становящегося, имперфектного существа, живущего тревогами, а ргіогі не вполне представляющего собственные утвердительные возможности (Достоевский, Сартр, Шелер и др.);

– счастье – результат: антропологическая модель человека как непереходно-ставшего перфектного существа, обладающего даром приобщаться к царству «не от мира сего внутри нас», условно говоря, – впасть в нирвану (буддизм, дзен-буддизм, махаяна, брахманизм, джайнизм, исихазм, йога, каббала, кашмирский шиваизм, суфизм, тибетская ваджраяна, даосизм, веды, упанишады и др.).

Исходы самодостаточные, но удовлетворения не доставляющие. Не доставляющие, свертывая аргументацию, ввиду рельефного гуманитарного элитизма – внеположности стандартной жизнеустроительной нише неэкзотически обустроивающегося просточеловека (не решаемся на употребление аксиологически одиозного «филистера»).

Перспективней, если угодно, – тоньше, реалистичней – иной, – намеченный Тургеневым и безусловно принятый Андреевым исход: по-нашему, безупречная философско-антропологическая платформа версификации человечности, – моментализм.

Счастье – яркое, неординарное самоощущение полного довольства вдохновенного человека – краткосрочно; разбивается о контакт с невыразительной рутинной толщей бесцветного жизневосстановительного времяпоглощения. Счастье – мимолетно. У приобщенного к нему с током времени исчезает острота ощущений; о неуловимой «трещине между прошлым и будущим» (Волошин) остается светлое, теплое воспоминание: со мной – было. Счастье, прекрасное гибнут в соприкосновении с пошлым («Герман и Марта»), безвкусно-грубым – проявлением мира – тем же ненамеренно выставленным в коридор дрянным комодом (Зоценко).

Кого посещает счастье?

Вхождение в царство счастья, словно в царство небесное, философия связывала с достижением калокагатии (античность); внутренней чистоты, неискушенности (Новое время), – всем туда заповедно войти, «не уподобившись детям» (Бэкон). (Отсюда – интригующая позиция Меттерлинка с идеей «вечного детства».)

Развивая моментализм – метафизику мига – правомерную гиперболизацию мгновения как абсолютно ценного достояния-воздаяния существования, Андреев всеобязательно порывает с гегелевским «страницы счастья – пустые страницы истории»; счастьем находится место на этих страницах, – в потаенном самозаконном локусе, где в ночи жизни наблюдается восход солнца. Где обеспечивается торжество совершенного воплощения человеческих ожиданий – вхождение в

Идеальное

«У нас нет единого мерил для наших поступков, кроме поведения божественного человека в нас, с которым мы сравниваем себя и благодаря этому исправляемся, никогда, однако, не будучи в состоянии сравниться с ним», – отмечал Кант [12, с. 502].

Сравнение себя с божественным намечает два пути надлежащего самоисправления: социальное и персональное совершенствование.

Первое – прозрение исторической необходимости, влекущей объективацию идеала. По данному пути шла философия в Новое время, – усилиями Вико, Болинброка, Гегеля, Маркса, Каутского, Бернштейна, Михайловского и др., – определявшая магистрали общественно-устроительной инициативы. Камнем преткновения историологических штудий оказался, наконец, четко осознаваемый разрыв – хиатус между доктринально прописанной гражданской необходимостью и практической невозможностью ее [16, с. 31–32].

Избегающая ноэматических выкладок жизнечувствительная литература без всяких обоснований эстетичным образом пришла к выводу о невозможности воплощения выработанных «глубокой» мыслью проектов «светлого» грядущего. Капитальные сомнения корифеев художественности прошлого века – Тургенева, Достоевского, Л. Толстого – в новом веке подытожил А. Толстой, высказавший: «...пришел страшный час встречи. Не из-за облаков пришла наша возлюбленная родина. Не в венце свобод. Не в чистых одеждах. А поднялась... от земли рядом с нами... Что это?.. страшная и дикая с одеждой в земле, с руками в крови и ранах, с искаженным мукой, безумным лицом!.. Говоря по совести, мы представляли, что встретим прекрасную даму в кокошнике, добрую и милейшую... А появилась не добрая и не прекрасная» [19].

Ввиду разных причин Андреев не сформулировал, не раскрыл в творчестве программу положительного социального идеала. Он искал его и не находил, резюмируя искания выстрадавшим: «перестать травить человека» Sic!. Подобно Чехову, он говорил о «стонах побежденных» без «тени резонерства» – легковесного пророчества, учительства. Экзистенциально он сочувствовал человеку одинокому, несчастному, слабому. Экзистенциально. Но не социально.

Вероятно, поэтому не найдя пристанища в «обновленном» отечестве, завершил путь жизненный на чужбине – в чухонском захолустье с надрывным: «нет дома, нет России, нет и творчества».

Второе – роднящая с Богом способность созидать, творить, – через самопознание – жить-действовать.

«Сущее пахнет ничем», – сетовал Кьеркегор. Современное Андрееву сущее имело однозначно тлетворный дух – пахло трагедией.

В «кутерье, суматохе, сбивчивости» жизненного неустроя Гоголь не усматривал перспектив реабилитации маленького просточеловека. Андреев усматривал. Между тем абстрактно гуманистическая вера в торжество личности, которую «можно уничтожить, но... нельзя победить» (Хемингуэй), не находила никакого воплощения в осязаемых технологиях спасения. Последнее множило неопределенность: как быть, – усиление голоса «скорби и отчаяния» [14, с. 273] наряду с усилением голоса индивидуализма и персонализма не подводило ни к какому благозвучному сочетанию в единой партии фундаментального гуманитарного возрождения.

«Новая, широкая, просторная» (Чехов) жизнь!..

Возможности ее достижения никак не сопрягались с возможностями задавленных, затравленных парий в уродливых обстоятельствах. Люфт между ними – при нашем очевидном

пиетете – Андреевым не перекрывался. На фоне приращения формального реквизита художественного освоения материала:

- по методу: психологизм, исповедальность, самоуглубление, проникание в задники сознания, переход на патетику («Марсельеза»), памфлетность («Прекрасные сабианки», «Конь в сенате», «Монумент»);
- по методологии: «условный реализм», «ретушированный реализм» (самоквалификации), реализм, неореализм, романтизм, экспрессионизм, символизм;
- по эпистемологии: включение апагогики – «Рассказ о Сергее Петровиче», где в соревновании в свободе со Всевышним проигрывается (ранее проигранная Достоевским и разоблаченная им в «Бесах») нищешанская инициация: «если жизнь не удастся тебе... удастся смерть»; развертывание гипостазы – «Жизнь человека» – опыт проникающей объективации категориальных универсалий, подменяющий лица – олицетворениями, чистыми эйдетическими инкарнациями (уникальный умственный, художественный эксперимент-трюк в мировом литературном процессе, к выполнению которого спустя десятилетие обратился Роллан, в аллегорической драме «Лилюли» под видом персонажей выставивший условные объективации ИЛЛЮЗИЯ, ИСТИНА), заметно не приращает содержательный реквизит художественности. Андреев – агент особого типа изобразительно-выразительной словесности – «требующей мысли» (Пушкин), выполняющей текстовые массивы в залоге «все слова подчеркнуты» (Ф. Шлегель). Однако же требовательная мысль в подчеркивании слов в нужном месте буксует, оставляя неясность: как, когда, в силу чего человек обретает самость, достигает искомой независимости, суверенности, в идеале – свободы?

Не будем придирчивыми в оценках сделанного Андреевым. Оно заслуживает самых совершенных эпитетов в представлении значимости его

- исканий: без брезгливой жалости, социального подвижничества (от которых лишь увеличивается пропасть между людьми) он укрепляет жизнеутверждающий дух человечности, ведущий борьбу не за хлеб насущный, за – душу;
- недосказанности: лишенные бытописи, обстоятельственных детализаций картины самоутверждений его героев хотя неоднозначны – востребуют дополнительного – внеконтекстного оправдания, – но духоподъемны, исполнены веры в конечный триумф человека, и после смерти продолжающего бежать («Жизнь Василия Фивейского»).

Зачастую, указывает Толстой, Андреев пугает, но нам – не страшно. Не страшно по причине приобщения к делаемому Андреевым великому делу, – установлению связи конечного человека с бесконечностью, преимущественно – «бесконечной справедливостью» [13, с. 360]. Подобное приобщение не может вызывать страх. Исключительно – Катарсис.

Статья публикуется при финансовой поддержке издательства «Социально-гуманитарное знание» (решение №210572).

Литература

1. Андреев Л. Н. *Собрание сочинений в 8 томах*. СПб.: изд-во Маркса А. Ф., 1913. Т. 1. 272 с.
2. Андреев Л. Н. *Собрание сочинений в 8 томах*. СПб.: изд-во Маркса А. Ф., 1913. Т. 6. 288 с.
3. Андреев Л. Н. *Собрание сочинений в 8 томах*. СПб.: изд-во Маркса А. Ф., 1913. Т. 8. 326 с.
4. Апухтин А. *Ночи бессонные*. М.: Комсомольская правда, 2013. 238 с.
5. Блок А. А. *Собрание сочинений в 8 томах*. М., 1962. Т. 6. 560 с.
6. Гегель Г. В. Ф. *Сочинения*. М.: Соцэкгиз, 1932. Т. 10. 454 с.

7. Достоевский Ф. М. *Собрание повестей и рассказов в одном томе*. М.: Эксмо, **2015**. 1424 с.
8. Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений в 30 томах*. Л.: Наука, **1980**. Т. 20. 432 с.
9. Ильин В. В. *Теория познания. Символика. Теория символических форм*. М.: изд-во Московского университета, **2013**. 384 с.
10. Ильин В. В. *Философия гуманитарного знания. Studia Humaniora. Гуманитаристика: учебник*. М.: Проспект, **2019**. 256 с.
11. Ильин В. В. *Метафилософия. Поэтика философии*. М.: Проспект, **2021**. 160 с.
12. Кант И. *Сочинения в 6 томах*. М.: Мысль, **1964**. Т. 3. 799 с.
13. Короленко В. Г. *О литературе*. М.: Издательство художественной литературы, **1957**. 715 с.
14. Луначарский А. В. *Театр и революция*. М.: ОГИЗ, **1924**. 484 с.
15. Луначарский А. В. *Собрание сочинений в 8 томах*. М.: Художественная литература, **1963**. Т. 1. 615 с.
16. Маркс К., Энгельс Ф. *Об искусстве. В 2 томах*. М.: Искусство, **1957**. Т. 1. 662 с.
17. Салтыков-Щедрин М. Е. *Полное собрание сочинений*. М.: Художественная литература, **1937**. Т. 7. 534 с.
18. Спиноза Б. *Избранные произведения в 2 томах*. М.: Госполитиздат, **1957**. Т. 2. 727 с.
19. Толстой А. Ночная смена // *Луч правды*. **1917**. 4 декабря.
20. Толстой Л. Н. *Собрание сочинений в 90 томах*. М., 1928–1959. Т. 36. 769 с.
21. Толстой Л. Н. *Собрание сочинений в 90 томах*. М., 1928–1959. Т. 53. 559 с.
22. Шелер М. *Избранные произведения*. М.: Гнозис, **1994**. 490 с.

Поступила в редакцию 09.04.2021 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2021.2.1

On the anniversary of the writer: philosophical lessons of Leonid Andreev

© V. V. Ilyin

National Research Center "Kurchatov Institute"
1 Academician Kurchatov Square, 132182 Moscow, Russia.

Email: vvilin@yandex.ru

The multi-faceted work of the venerable Russian writer is evaluated from the point of view of philosophical breakthroughs associated with the spiritual development of the timelessness of the turn of the 19–20th centuries. Engaged in revealing the universal nature of man, Andreev is concerned with the age-old anthropological theme: what is the "art of living"? And with all his artistic pursuits, he gives a hard-won answer: the art of living is to remain true to oneself, to one's own existential vocation. The immaculate philosophical-anthropological platform for the versification of humanity is given full-scale detailing in terms of momentalism, which focuses on the point of uniform perpetuation of the infinite by the finite.

Keywords: little man, momentalism, humanism.

Acknowledgements. The article is published under the financial support of "Sotsial'no-Gumanitarnoe Znanie" Publishing House (Decision No. 210572).

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Ilyin V. V. On the anniversary of the writer: philosophical lessons of Leonid Andreev // *Liberal Arts in Russia*. 2021. Vol. 10. No. 2. Pp. 69–84.

References

1. Andreev L. N. *Sobranie sochinenii v 8 tomakh [Collected works in 8 volumes]*. Saint Petersburg: izd-vo Marxa A. F., 1913. Vol. 1.
2. Andreev L. N. *Sobranie sochinenii v 8 tomakh [Collected works in 8 volumes]*. Saint Petersburg: izd-vo Marxa A. F., 1913. Vol. 6.
3. Andreev L. N. *Sobranie sochinenii v 8 tomakh [Collected works in 8 volumes]*. Saint Petersburg: izd-vo Marxa A. F., 1913. Vol. 8.
4. Apukhtin A. *Nochi bessonnnye [Sleepless nights]*. Moscow: Komsomol'skaya pravda, 2013.
5. Blok A. A. *Sobranie sochinenii v 8 tomakh [Collected works in 8 volumes]*. Moscow, 1962. Vol. 6.
6. Hegel G. V. F. *Sochineniya [Works]*. Moscow: Sotsekgiz, 1932. Vol. 10.
7. Dostoevskii F. M. *Sobranie povestei i rasskazov v odnom tome [Collection of novels and stories in one volume]*. Moscow: Eksmo, 2015.
8. Dostoevskii F. M. *Polnoe sobranie sochinenii v 30 tomakh [Complete works in 30 volumes]*. Leningrad: Nauka, 1980. Vol. 20.
9. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Simvologiya. Teoriya simvolicheskikh form [Theory of knowledge. Symbolology. The theory of symbolic forms]*. Moscow: izd-vo Moskovskogo universiteta, 2013.
10. Il'in V. V. *Filosofiya gumanitarnogo znaniya. Studia Humaniora. Gumanitaristika: uchebnik [Philosophy of humanitarian knowledge. Studia Humaniora. Humanities: textbook]*. Moscow: Prospekt, 2019.
11. Il'in V. V. *Metafilosofiya. Poetika filosofii [Metaphilosophy. Poetics of philosophy]*. Moscow: Prospekt, 2021.

12. Kant I. *Sochineniya v 6 tomakh* [Works in 6 volumes]. Moscow: Mysl', **1964**. Vol. 3.
13. Korolenko V. G. *O literature* [On literature]. Moscow: Izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, **1957**.
14. Lunacharskii A. V. *Teatr i revolyutsiya* [Theater and revolution]. Moscow: OGIZ, **1924**.
15. Lunacharskii A. V. *Sobranie sochinenii v 8 tomakh* [Collected works in 8 volumes]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, **1963**. Vol. 1.
16. Marx K., Engels F. *Ob iskusstve. V 2 tomakh* [On art. In 2 volumes]. Moscow: Iskusstvo, **1957**. Vol. 1.
17. Saltykov-Shchedrin M. E. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, **1937**. Vol. 7.
18. Spinoza B. *Izbrannye proizvedeniya v 2 tomakh* [Selected works in 2 volumes]. Moscow: Gospolitizdat, **1957**. Vol. 2.
19. Tolstoi A. *Luch pravdy*. **1917**. 4 dekabrya.
20. Tolstoi L. N. *Sobranie sochinenii v 90 tomakh* [Collected works in 90 volumes]. Moscow, 1928–1959. Vol. 36.
21. Tolstoi L. N. *Sobranie sochinenii v 90 tomakh* [Collected works in 90 volumes]. Moscow, 1928–1959. Vol. 53.
22. Scheler M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Gnozis, **1994**.

Received 09.04.2021.